

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКЕ

© 2014 г.

Е.В. Алешинская,¹ Е.С. Гриценко²

¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

²Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

aleshinskaya_jane@yahoo.co.uk

Поступила в редакцию 22.05.2014

Исследуется роль английского языка в качестве средства конструирования идентичности в современном российском музыкальном дискурсе как части глобального дискурса. На примере текстов песен, музыкальных журналов и профессиональных интернет-форумов анализируются различные формы взаимодействия глобального английского с русским, англоязычные заимствования, переключения с русского на английский язык и на «русский английский».

Ключевые слова: глобализация, английский язык, заимствование, переключение кода, русский английский, глокальная идентичность, музыкальный дискурс.

Исследование популярной музыки представляет интерес, прежде всего, в связи с глобализацией в сфере современного музыкального искусства и доминирующей ролью английского языка – лингва франка современного музыкального мира. Д. Кристал подчеркивает огромную роль глобального английского в современной музыке и его влияние на современную популярную культуру в целом [1, р. 101–103].

Языковые контакты в условиях глобализации и их роль в конструировании идентичности привлекают повышенное внимание ученых и становятся одним из наиболее перспективных исследовательских направлений в социолингвистике. В работах последних лет популярная музыка признается «важной ареной публичного выражения двуязычных и многоязычных практик» [2, р. 40]. Отмечается, что глобализация популярной культуры «порождает креативную форму гибридизации, которая поддерживает локальные идентичности в глобальном контексте» [3, р. 39]. Важная роль в создании «новой гибридной идентичности в современном контексте культурного взаимодействия» [4, с. 21] отводится английскому языку как глобальному языку современной музыки.

Пожалуй, наибольшее внимание исследователей сегодня привлекают тексты песен в жанре хип хоп (хип-хоп дискурс): объектом рассмотрения чаще всего становятся примеры манипуляции языковыми ресурсами – преимущественно

но кодовые переключения, с целью создания локальных и более широких социальных значений [5, 6]. В исследованиях хип хоп как глобального социального музыкального и лингвистического феномена особенно интересны для анализа вопросы локальных адаптаций английского языка [7].

В статье рассматривается музыкальный дискурс как социальная практика и категория, включающая специфические способы репрезентации различных аспектов музыкальной жизни [8, р. 26; 9, р. 425]. Методологически статья базируется на концепции социолингвистики глобализации Я. Бломмаэрта, в которой язык понимается не как система «в себе и для себя», а как мобильный транслокальный ресурс, специфические элементы, формы, жанры и стили которого становится неотъемлемой частью языкового репертуара носителей национальных языков и эффективным средством (само)позиционирования [10, р. 608–609]. Влияние глобализации на язык носит не повсеместный, а «нишевой» характер. Одной из таких «ниш» (новых зон двуязычия) является музыкальное сообщество. Взаимодействие английского и русского языков в российском музыкальном дискурсе обнаруживает две разнонаправленные тенденции: 1) англизация русского языка, проявляющаяся в форме лексической экспансии (англоязычных заимствованиях, транслитерациях, калькировании и переключениях с русского на английский);

2) влияние русского языка на английский, т. е. русификация английского языка, в основе которой лежит языковая интерференция [11].

Для более полного описания специфики языковых контактов в российской популярной музыке в контексте глобализации к исследованию привлекались помимо хип-хоп музыки такие популярные музыкальные жанры, как (альтернативный) рок и хэви-метал. Материал исследования составили рецензии и интервью из российских музыкальных журналов Rolling Stone (вып. 82–84), Dark City (вып. 61–68), In Rock (вып. 52–56) и Hip Hop Info (вып. 4–7) за 2011–2012 гг.; профессиональные интернет-форумы <http://www.tubetone.ru/forum/> и <http://forum.reborn.ru/>; тексты 93 песен 8 российских групп, включая четыре группы из Нижнего Новгорода, которые выступают в разных музыкальных жанрах: «Thanfall» (дэт-метал), «Once» (романтик-мелодик-метал), «Arcane Grail» (симфоник-блэк-метал), «The Last of Us» (постхардкор), «SADme» (инди-рок), «Everything Is Made in China (EIMIC)» (пост-рок), «Константа» (хип хоп), «Quasary» (хип хоп). Для уточнения полученных данных были проведены шесть этнографических интервью с представителями нижегородского музыкального сообщества: рекорд-продюсером Василием Мантровым (далее – В.М.), гитаристом группы «Thanfall» Михаилом Суворовым (М.С.), клавишником группы «Once» Дмитрием Булюкиным (Д.Б.), сессионным музыкантом Александром Рогожиным (А.Р.), ударником группы «The Last of Us» Алексеем Young Angus Петровым (А.П.), участником хип-хоп проекта «PEACE! DA Vsem» Leha Plus (L.P.) и лидером известного рок-проекта из г. Тамбова «Операция Пластин/Operation Plasticine» Рйном (Рйн). Роль английского языка как средства конструирования глобальной и локальной идентичности исследуется в трех аспектах: заимствования из английского языка, переключения с русского на английский и на уровне русского варианта английского языка.

Заимствования. Большое число заимствований из английского в современном русском музыкальном дискурсе связано прежде всего с заполнением лакун. Речь идет об отсутствии в русском языке лексем, способных точно передать значение феноменов (англо-) американского происхождения (например, из области джаза, рока, хэви-метала, хип хоба). Тенденция заимствовать англоязычные термины наблюдается, например, в музыкальных журналах. Авторы музыкальных рецензий и музыканты в своих интервью постоянно используют англицизмы, обозначающие жанры современной музыки (*ме-*

лодик-дэт, дум, агрессив-поп, грандж, прогрессив-рок, индастриал, нью-вэйв, синт-поп, грайндкор, фьюнерал и др.), приемы исполнения (*скрим, гроул/гроулинг, дисторшен, фузз* и т. д.), структурные элементы композиций (*рифф, сэмпл, интро, аутро*), музыкальные продукты (*релиз, трэк, трибьют, кавер, сплит* и т. п.), профессии и виды занятий в современной музыкальной индустрии (*саунд-продюсер, рекорд-продюсер, эмси, фронтмен, металхед* и др.).

Англоязычные термины представляются российским музыкантам не только престижными, но и более «стабильными» (универсальными), поскольку они чаще используются другими представителями мировой музыкальной индустрии. Более того, как отмечают респонденты, использование англоязычных заимствований подчеркивает современность и прогрессивность местных музыкальных групп, указывая на принадлежность к глобальной музыкальной культуре. В качестве иллюстрации можно привести высказывание одного из респондентов: «Многие импрувят скиллы за просмотром видеоскол крутых черных басистов, а они не очень склонны по-русски говорить. Оттуда и набираемся всяких брейкдаунов, фуззов и т.д.» (А.Р.). Музыкант использует заимствованные слова «импрувят» и «скиллы» вместо соответствующих русских «совершенствуют» и «навыки», потому что именно эти слова он часто слышит от продвинутых «черных» музыкантов. Используя подобные слова, респондент акцентирует свою причастность к глобальному миру музыки, ставит себя в один ряд с «крутыми черными басистами».

Примеры из интервью поясняют статус и функции профессионального музыкального жаргона – гибридного (суб)языка, который становится индексом внутригрупповой принадлежности и используется для конструирования профессиональной идентичности [12, с. 51]. Профессиональный жаргон – это «универсальный язык, который понимают все музыканты и обслуживающий персонал сцены от Владивостока до Калининграда, где бы мы ни выступали» (Рйн). Для профессионального музыкального жаргона характерно интенсивное использование англоязычной лексики в русскоязычной фонетической, морфологической и синтаксической «аранжировке» [12, с. 51]. Примером музыкальных жаргонизмов являются наименования музыкальных жанров (*фуллончик* от англ. «full-on»; *репчик/репак* от англ. «rap»; *харда* от англ. «hard (rock)»; *дэтуха* от англ. «death (metal)»; *трэшак* от англ. «trash (metal)»), музыкальных инструментов (*саксуха* от англ. «sax/saxophone»; *синты* от англ. «synth/ synthesizer»), социальных ролей (*сессионщик* от англ.

«session musician»; *тру-блэкари* от англ. «true-blacker»), действий в ходе музыкального творчества (*откаверить* от англ. «to cover»; *чекаться* от англ. «to check sound»; *киксануть* от англ. «to make kicks»), характеристик звучания (*прифанкованный* от англ. «funky»; *олдскульный* от англ. «old-school»; *трушный* от англ. «true») и т. д. Если для участников профессиональных форумов использование профессионального жаргона является естественным способом выражения музыкальных тонкостей (например: «*Надо родес дабовый, с делзем и лид с питчем на октаву*»), то для авторов музыкальных рецензий использование музыкального жаргона – это игра словами английского происхождения в первую очередь с целью создания яркого образа и привлечения потребителей музыкальной продукции (например: «*Итальянское эхо всевозможных думостей, готичностей, дэтостей, блэкостей и прочих стилей и пост-стилей*»).

Переключение и смешение кода. Для текстов песен в жанре хип хоп в целом характерно использование русского языка, поскольку он более понятен российской публике, что очень важно, ведь «рэп – это нагромождение текста, где ... во главе угла – посыл, смысл, рифма» (L.P.). Концепция хип хоп, таким образом, делает неизбежным использование русского языка, а неуверенное владение английским языком – серьезной профессиональной проблемой для местных рэперов: «Для этого знания английского ни у кого из нас не было явно достаточным! Даже если бы мы все были англоговорящими, это провал, ибо переплюнуть кучу очень хороших артистов, рэп-музыкантов, делающих рэп на английском, просто анриал!» (L.P.).

Однако русские рэперы все же переключаются на английский язык, поясняя это так: «иногда по контексту круто вставить что-то английское» (L.P.). По мнению зарубежных исследователей, стиль локального хип-хоп языка представляет собой «особый глобализованный лингвистический и культурно-стилистический сплав» [10, р. 610] и является способом «сознательной идентификации» с глобальной хип-хоп культурой, выражая вместе с тем «локальную самобытность» [13, р. 249]. Выражение гибридной «глокальной» идентичности в хип хопе достигается посредством переключения с родного русского на английский язык.

Переключение кода заключается в использовании двух или нескольких языков в рамках одного коммуникативного акта [14, р. 196; 4, с. 19], как, например, в рэп-текстах группы «Константа»: «*Меня так не впирает другой кайф / Как быть с тобой, it's my life*» («Константа», «С ней»); «*Судьба подставит для мозга пицци / Жена сверкает как Diamond District*»

(«Константа», «Виноват»). С точки зрения выражения глокальной идентичности посредством кодового переключения интересен припев из песни «Дисс на Москву» нижегородской группы «Quasary»:

*When I say hip yo you say hop. Горький, nigga.
Горький, nigga.*

*When I say hip yo you say hop. Москва, offside.
When I say hip yo you say hop. Как твои дела?
Hey, what's up?*

Текст практически полностью написан на английском языке, кроме фразы «Как твои дела?» (которая, однако, сразу же дублируется на английском), и названий двух российских городов – Москвы и Горького (Нижнего Новгорода). Своеобразной формой «присвоения» глобального английского становится адаптация английских слов «nigga» и «offside» к местному контексту. Используя характерный для хип хоп жаргонизм с положительной коннотацией «nigga», провинциальная группа выражает теплое, уважительное отношение к родному городу, в отличие от столичной Москвы (она для них «offside»). Негативное отношение к столице акцентирует и название песни («дисс» – заимствование из американского хип-хоп жаргона, где «diss» означает «disrespect»). Слова «nigga», «yo», «hop» имитируют афро-американский английский, который вместе с хип хопом обретает глобальный статус, становясь из стигматизированного престижным.

Использование английского языка позиционирует исполнителей и слушателей как членов глобального музыкального сообщества – «глобальной хип-хоп нации» (Global Hip Hop Nation) [5]. Переключения с русского на английский язык, таким образом, отражают соотношение между глобальными и локальными тенденциями в современном контексте [4, с. 21], позволяя музыкантам одновременно быть «космополитами» и выражать локальную «аутентичность» [6].

Русификация английского языка. Из восьми выбранных для исследования локальных групп шесть предпочитают писать тексты песен на английском. Это группы «Thanfall», «Arcane Grail», «Once», «The Last of Us», «EIMIC» и «SADme», т.е. представители музыки в стиле рок и хэви-метал. Главной причиной выбора английского языка респонденты из данных музыкальных групп называли международную ориентацию и престиж: «Никому в Европе русский не нужен. А мы хотим продвигаться на международный уровень. И планируем ездить с турами по Европе» (M.C.). Некоторые рок-музыканты также указывают на так называемую «акустико-мелодическую» составляющую английского языка: «Стилистика, т. е. музыка,

стиль которой сформировался в англоязычных странах, благозвучнее сочетается именно с английским языком» (А.П.); «На музыку англоязычный текст лучше ложится» (А.Р.). Можно предположить, что из-за особенного ритма рок-музыки и хэви-метала музыканты предпочитают английский язык, в котором гораздо больше, чем в русском, одно- и двусложных слов.

Англоязычные тексты дают возможность российскому исполнителю выйти за пределы своей страны, однако ввиду недостаточного владения английским языком музыканты нередко переносят особенности родного (русского) языка в сферу профессионально более престижного английского. Другими словами, для англоязычных текстов характерна русификация, связанная с аккультурацией и трансференцией некоторых черт родного языка.

Материал исследования дает возможность выделить следующие специфические черты русификации английского языка в российском песенном дискурсе:

1) грамматическое своеобразие, которое можно объяснить отличиями русской грамматики от грамматических норм английского языка [15, p. 307], а именно:

- ненормативное использование модальных глаголов: «*Nothing to stay that will can to tell*» (Thanfall, «New Earth»); «*If you could to lose your mind*» («Thanfall» – «Slash»);

- ненормативное использование вспомогательных глаголов: «*I'm not agree with fucking speech about / Revolution in the minds*» («The Last of Us» – «The Last of Us»); «*Never before the world seen such a cruel war*» («Once» – «Kingdom of Shadows»);

- отклонения от стандарта в использовании пассивного залога: «*The day when we born*», «*Eternal life that praised in tales*» («Arcane Grail» – «Arcane Grail»);

- русификация конструкций с герундием: «*Her loving heart keeps him from die*» («Once» – «A Princess and a Knight»);

- русификация выражений с наречиями: «*Without you I can't see so sharp*» («SadMe» – «Pain Is like a Drug»); «*So gonna do this also quiet*» («Thanfall» – «Slash»);

- отклонение от нормы в использовании предлогов: «*What's that? Someone out from me! / I am lost somewhere inside of you*» (EIMIC – «Moving Fragments»); «*There's a time for realizing / Of what you can stay with in the end*» («SadMe» – «Mary»);

- замена союзов местоимениями: «*That's all what we can do*» («SadMe» – «Life to Live»); «*No matter what we'll have and what we'll pay / To keep going, keep losing one's way*» (EIMIC – «Moving Fragments»);

- ошибки в использовании артиклей: «*Nothing can be better than a good advice*» («SadMe» – «Mary») и т. п.;

2) синтаксическое своеобразие, вызванное дословным переводом с русского языка: «*New deaths should to you explain / That time to forget your name*» («Thanfall» – «Slash»); «*Feeling my future how comes to dust*» («Arcane Grail» – «Autumn Wed Us, Ruined and Lone»).

В современной социолингвистике изучение контактных разновидностей английского языка (так называемых мировых английских языков – World Englishes) ведется уже более десятка лет. Однако до настоящего времени не является общепризнанным статус видоизмененной формы английского языка, именуемой «русский английский» [15], «русифицированный английский» [15, 16] или «русский идиом английского языка» [10]. Предлагается, в частности, по аналогии с другими локальными разновидностями английского языка (индийский, шриланкийский, сингапурский, китайский, японский английский и т. п.) считать русифицированный английский («русский английский») не отклонением от нормы, а культурно специфичным вариантом глобального английского.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что в современном российском музыкальном дискурсе английский язык выполняет семантическую и семиотическую функции. Он не только используется для заполнения лакун в музыкальной терминологии, но и служит средством конструирования идентичности, индексирует престиж, современность и профессионализм.

Выражаем благодарность Василию Мантрову, Михаилу Суворову, Дмитрию Булюкину, Александру Рогожину, Алексею Young Angus Петрову, Leha Plus и Рйну за участие в этнографических интервью, а также за предоставленные для анализа тексты песен.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Нижегородской области в рамках проекта «Язык как индикатор глобальных социальных процессов и состояния межэтнических отношений в регионе», проект, № 14- 14- 52001/14.

Список литературы

1. Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
2. Androutsopolous J. Multilingualism, ethnicity and genre in Germany's migrant hip hop // The languages of global hip hop / Ed. by M. Terkourafi. London – New York: Continuum, 2010. P. 19–43.
3. Shim D. Hybridity and the rise of Korean popular culture in Asia // Media, culture and society. 2006. Vol. 28:1. P. 25–44.

4. Жиганова А.В. Переключение языкового кода как средство конструирования социальной идентичности // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2012. Вып. 18. С. 19–26.
5. Global linguistic flows: Hip hop cultures, youth identities, and the politics of language / Ed. by H.S. Alim, A. Ibrahim, A. Pennycook. New York – London: Routledge, 2009. 273 p.
6. Languages of global hip hop / Ed. by M. Terkourafi. London – New York: Continuum Press, 2010. 352 p.
7. Pennycook A. Language as a local practice. London – New York: Routledge, 2010. 176 p.
8. Fairclough N. Language and Globalization. London: Routledge, 2006. 167 p.
9. Aleshinskaya E. Key components of musical discourse analysis // Research in language. 2013. Vol. 11:4. P. 423–444.
10. Blommaert J. Commentary: A sociolinguistics of globalization // J. sociolinguistics. 2003. Vol. 7 (4). P. 607–623.
11. Щенникова Н.В. Английский язык в России: знаковая система особого рода (постановка проблемы) // Вестник Воронежского госуниверситета. 2011. № 2. С. 105–109.
12. Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Многоязычие в профессиональной коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 46–55.
13. Cutler C. Hip hop, White immigrant youth, and African American Vernacular English: Accommodation as an identity choice // J. English linguistics. 2010. Vol. 38(3). P. 248–269.
14. Omoniyi T. Hip hop language through the World Englishes lens: A response to globalization // World Englishes. 2006. Vol. 25:2. P. 195–208.
15. Proshina Z. Slavic Englishes: education or culture? // The Routledge handbook of World Englishes / Ed. by A. Kirkpatrick. London – New York: Routledge, 2010. P. 299–315.
16. Ustinova I.P. English in Russia // World Englishes. 2005. Vol. 24:2. P. 239–251.

ENGLISH AS A MEANS OF CONSTRUCTING GLOBAL AND LOCAL IDENTITIES IN RUSSIAN POPULAR MUSIC

E.V. Aleshinskaya, E.S. Gritsenko

The article examines the role of English as a means of constructing identities in contemporary Russian musical discourse. Various forms of interaction between Global English and Russian are analyzed, such as English borrowings, code-switching from Russian to English and the so called «Russian English». Research material includes song lyrics, musical journals and professional Internet-forums. Ethnographic interviews were conducted to support the results of discourse analyses.

Keywords: globalization, English language, borrowing, code-switching, Russian English, glocal identity, musical discourse.

References

1. Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
2. Androustopolous J. Multilingualism, ethnicity and genre in Germany's migrant hip hop // The languages of global hip hop / Ed. by M. Terkourafi. London – New York: Continuum, 2010. P. 19–43.
3. Shim D. Hybridity and the rise of Korean popular culture in Asia // Media, culture and society. 2006. Vol. 28:1. P. 25–44.
4. Zhiganova A.V. Pereklyuchenie yazykovogo koda kak sredstvo konstruirovaniya social'noj identichnosti // Vestnik NGLU im. N.A. Dobrolyubova. 2012. Vyp. 18. S. 19–26.
5. Global linguistic flows: Hip hop cultures, youth identities, and the politics of language / Ed. by H.S. Alim, A. Ibrahim, A. Pennycook. New York – London: Routledge, 2009. 273 p.
6. Languages of global hip hop / Ed. by M. Terkourafi. London – New York: Continuum Press, 2010. 352 p.
7. Pennycook A. Language as a local practice. London – New York: Routledge, 2010. 176 p.
8. Fairclough N. Language and Globalization. London: Routledge, 2006. 167 p.
9. Aleshinskaya E. Key components of musical discourse analysis // Research in language. 2013. Vol. 11:4. P. 423–444.
10. Blommaert J. Commentary: A sociolinguistics of globalization // J. sociolinguistics. 2003. Vol. 7 (4). P. 607–623.
11. Shchennikova N.V. Anglijskij yazyk v Rossii: znakovaya sistema osobogo roda (postanovka problemy) // Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. 2011. № 2. S. 105–109.
12. Gricenko E.S., Laletina A.O. Mnogoyazychie v professional'noj kommunikacii // Voprosy psiholingvistiki. 2012. № 1 (15). S. 46–55.
13. Cutler C. Hip hop, White immigrant youth, and African American Vernacular English: Accommodation as an identity choice // J. English linguistics. 2010. Vol. 38(3). P. 248–269.
14. Omoniyi T. Hip hop language through the World Englishes lens: A response to globalization // World Englishes. 2006. Vol. 25:2. P. 195–208.
15. Proshina Z. Slavic Englishes: education or culture? // The Routledge handbook of World Englishes / Ed. by A. Kirkpatrick. London – New York: Routledge, 2010. P. 299–315.
16. Ustinova I.P. English in Russia // World Englishes. 2005. Vol. 24:2. P. 239–251.